

УДК 821.161.1-311.4

ДЕТСТВО КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВЕТСКОЙ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОЗЕ 1920 – 1930-х ГОДОВ

Е. Е. Машкова

В статье представлено полемическое решение ключевой для советской литературы первых послереволюционных десятилетий темы детства в производственной прозе и критике 1920—1930-х гг.

Ключевые слова: социалистический реализм, советская литература, советская производственная проза, тема детства, образ ребенка.

После многолетнего исследовательского вакуума, связанного с упрощенными трактовками советской литературы, в современном литературоведении заметно оживился интерес к феномену социалистического реализма. Сегодня в художественных произведениях первых постреволюционных десятилетий ученые выделяют определенный набор мифологем [10; 16], одной из которых является *образ ребенка*. Как полагает К. Келли, ребенок — “будущий строитель социализма”, “носитель идеи нации” — стал ключевым элементом соцреалистической эстетики [15, с. 222]; более того, по заключению В. Химича, в 1920-е годы формируется особая концепция детства — “меры нравственной достаточности послереволюционного общества” [11, с. 441]. **Цель предлагаемой статьи** — проследить, как это отразилось в наиболее репрезентативных для соцреализма текстах — производственных романах, повестях, рассказах и очерках.

Обращение к теме детства в 1920 – 1930-е годы свидетельствовало о благонадежности писателя. Показательна судьба опубликованной в 1927 г. книги стихотворений советского поэта В. Кириллова “Голубая страна”: от полного разгрома критиков сборник спасла именно песня со знаковым названием “О детстве, море и красном знамени” [19]. Подразумевалось, что автор, изображая детей — символ советского будущего, заявляет о своей уверенности в грядущем торжестве пролетарского мира. Так, в хронике В. Катаева “Время, вперед!” есть эпизод, в котором описывается ежедневная распродажа периодики в Магнитострое: “Подошел иностранец и купил “Известия” и “Правду”. Толстяк в украинской рубашке взял “Humanite” и “Berliner Tageblatt”. <...> Мальчик приобрел “Под знаменем марксизма”” [19, с. 247]. Отрывок в несколько строк изобилует недвусмысленными идеологическими акцентами. Катаев подчеркивает, что жизнь Страны Советов привлекает и иностранцев; что даже советский провинциал свободно читает на французском и немецком; а главное, в повести идеям Маркса пророчится светлое будущее, ибо знамя марксизма — в руках ребенка.

В ситуации, когда “сакрализация будущего является единственной возможностью сохранить оптимизм в отсутствие Бога и загробной жизни” [28, с. 481], дети — олицетворение дня завтрашнего — становились носителями новой народной совес-

ти, что и воспроизводила литература 1920 – 1930-х годов. Показательно, как в рассказе Б. Левина “Одна радость” пионерка обращается к матери-крестьянке: “Мама, я тебя очень прошу, иди на собрание, *а то мне стыдно будет*” (курсив везде мой — Е. М.) [20, с. 62]. Отношение к детям определяло классовое сознание героев. О персонаже повести И. Катаева “Встреча” рецензент журнала “Новый мир” писал: “Человек, который в прошлом радовался смерти лишнего рта, теперь глубоко переживает смерть маленькой дочери. В этом, казалось бы, незначительном факте Иван Катаев сумел показать огромный смысл нашей эпохи — рождение социалистической гуманности” [25]. В произведениях о строительстве нового мира (как в городе, так и в деревне) основы такой “социалистической гуманности” родителям открывали дети. “Жизнь у меня — хуже как у каторжной была... свету Божьего не видала... <...> *Через ребенка своего и человеком стала...*” — выносит приговор себе — “вчерашней, забитой, изуродованной жизнью” — коммунарка Жижикова в повести Ф. Гладкова “Новая земля” [5, с. 180].

Сюжеты о детях не нуждались в психологической точности или особом художественном мастерстве [11, с. 439] — напротив, уклон в область психологического или биологического жестко порицался критиками [9]. Писателю требовалось лишь воссоздать нечто сродни фрескам В. Фаворского из Музея материнства и младенчества — “социалистическое отношение к детям и материнству, <...> счастливых работниц-матерей с грудными ребятами, марширующих октябрят <...>” [23, с. 242]. Однако на поверку оказывалось, что тема детства в литературе соцреализма далеко не всегда решалась так однозначно.

“Бодрые” и “веселые” шествия октябрят, пионеров и комсомольцев, действительно, стали неотъемлемой частью едва ли не каждого написанного в 1920 – 1930-е гг. произведения о строительстве социализма. Так, в романе А. Перегудова “Солнечный клад” читаем: “Утром в международный день юношества заводская молодежь с духовым оркестром и песнями пошла к зданию исполкома <...>. В буйных маршах оркестров, в широких и вольных песнях, в твердой поступи шага, в хмельных глазах они гордо несли свою молодость <...>. Пионеры шли за вожатыми, сосредоточенно поддерживая правильность своих рядов и ритмичность шага” [26, с. 16].

Подобные сюжетные схемы использовали и авторы, далеко отстоящие от “столбовой дороги” советской литературы. Описание пионерского шествия есть в “Котловане” А. Платонова: «<...> по улице двинулся <...> строй детей-пионеров с уставшей музыкой впереди. <...> с сознанием важности своего будущего ступали точным маршем босые девочки <...>. Каждая девочка, двигаясь в меру общего строя, улыбалась от чувства своего значения, от сознания серьезности жизни, необходимой для непрерывности строя и силы похода. — Эх!.. — жалобно произнес кузнец. — Гляжу на детей, а самому так и хочется крикнуть: “Да здравствует Первое мая!”» [27, с. 109 – 110]. Но пафос этого эпизода совершенно иной: если в “Солнечном клade” звучит твердая уверенность в том, что социализм существует уже теперь, в настоящем, то в “Котловане” говорится лишь об идущей вопреки всему надежде, вере в детско(истинно)-социалистическое будущее.

Общепролетарский дом в повести строится “для будущего счастья и для детства” — девочки Насти [там же, с. 120]. Любопытно, что для детей возводят гигантов индустрии и герои “каноничных” соцреалистических текстов (“... наши дети — строители будущей жизни <...> мы строим *для них*, строим *для миллионов новых поколений* <...>” [18, с. 210]). Ради ребенка ускорить ход времени стремится бригадир Ищенко в романе В. Катаева “Время, вперед!”: “И все это для “него”. И “он” — это я. И он и я — это мы. И мы — это жизнь” [19, с. 357]. Анализируя “Гидроцентральный” М. Шагинян, критики отмечали, что герой романа Рыжий решает участвовать в строительстве именно ради счастья незнакомой девочки: «Вид маленькой Золушки, которую после своей гневной речи на ужине у богатого родственника неожиданно заметил художник, наполняет его сердце “невыносимой жалостью”. Девочка не должна умереть, <...> ее нужно “сохранить и уберечь”, так как только через детей — потенциальных строителей “здания будущего” — можно победить вездесущего “дядю Михака”» [1, с. 206].

Для героев литературы рубежа 1920 – 1930-х годов будущее счастье детей служило оправданием многочисленных жертв в настоящем. К примеру, в повести Л. Леонова “Соть” большевик Увадьев надежду и силу черпал в том, что “где-то <...> на сияющем рубеже, под радугами завоеванного будущего, <...> видел девочку, <...> ее звали Катей, ей было не больше десяти. Для нее и для счастья он шел на бой и муку <...> для нее уже положены беспримерные в прошлом жертвы” [21, с. 83]. В то же время эта идея, столь характерная для созданных в годы первой пятилетки произведений, — идея жертвенности ради будущего, ради ребенка неизменно оспаривалась критиками. Так, в статьях, посвященных упомянутой повести, писалось, что Сотьстрой растут “не только для далеких поколений <...>, но и для сегодняшнего дня, для тех самых строителей, которых Леонов сумел увидеть лишь как одноликую серую массу” [12, с. 237]. Решение темы детства в советской литературе, таким образом, постоянно корректировалось критиками.

Особенно острые оценки получали произведения, в которых (уже в 1920-е годы) говорилось о том, что ради эфемерного будущего жертвуют “маленьким человеком” в настоящем. В 1928 г. предельно трагично об этом написал в “Котловане” А. Платонов. Однако одним из первых в советской литературе проблему ценности счастья ребенка как проблему значимости жизни конкретного, “маленького” человека поставил Ф. Гладков в классическом произведении соцреализма — романе “Цемент”. Ключевой мотив произведения — сиротство детей ответственных советских работников. В то время как Глеб и Даша Чумаловы восстанавливали завод, устраивали ясли для детей из поселка, их дочка Нюра, не выдержав одиночества, тоски, болезни в холодных застенках детского дома, погибла. О. Брик этот сюжетный ход Гладкова расценил как “штамп и шаблон”: “Бывает, что умирают дети. Но здесь, в повести, к чему это? Неизвестно. Умерла, и никаких мотивировок” [4, с. 32]. Несмотря на выпады критиков, в романе Ф. Гладкова “Энергия” в устах Ольги Ватагиной эта идея прозвучала еще более определенно: “Мы очень рьяно и смело распоряжаемся в сложных и трудных делах, а в самых простых вещах позор-

но дики. Нас занимают большие вопросы, а человек (ребенок — Е. М.) калечится. В результате — или больные, или жулики” [8, с. 14].

Симптоматично, что герои произведений конца 1920 – первой половины 1930-х годов, действительно, далеки от проблем воспитания своих детей. Так, в романе Н. Никитина “Поговорим о звездах” начальник строительства Кузнецкого металлургического комбината Краков вообще не ощущает внутренней ответственности за судьбу своего ребенка: “...несколько месяцев он ни строчки не писал о сыне. Сын не был в мыслях... но Анна (жена Кракова — Е. М.) — толковая баба, и она сумеет кое-что сделать из мальчишки. Пусть его обработает жизнь, меня никто не воспитывал” [24, с. 35]. Вот что читаем в повести И. Катаева “Ленинградское шоссе”: “Раза три в году Александра приезжала навестить дочь, и в такие <...> минуты, держа свою Эдвардочку на коленях и умиляясь ею, думала про себя, что она все же неплохая и любящая мать и что ей удалось примирить биологические инстинкты с общественными запросами” [14, с. 90]. Для героини романа Г. Алексева “Тени стоящего впереди” коммунистки Надежды Борисовны “лезть в ярмо матери и жены”, “вить гнезда, садиться наседкой, счастливо кудахтать снесенному яйцу” вообще означает убить в себе личность [3, с. 5]. “Она только <...> чужого ребеночка умеет погладить по головке!” — говорится о ней в романе [Там же, с. 12]. По понятным причинам критики дискредитировали такую трактовку образа женщины-коммунистки, предрешив тем самым участь всего произведения. По словам Р. Ковнатора, “Глеб Алексеев в Надежде Борисовне отразил только тень настоящей революционерки”, ведь “известно даже в школе политграмоты, что именно капитализм <...> лишает женщину возможности быть матерью” и, “несмотря на все трудности и противоречия нашего быта, только у нас материнство является социальной функцией” [17, с. 153, 150].

К середине 1930-х гг. общественно-политическая ситуация в стране меняется. Защита материнства и детства становится официальной политикой партии. Широкую огласку получает государственная программа строительства родильных домов, яслей, молочных кухонь, детских садов, устанавливается помощь многодетным семьям, вводится всеобщее школьное образование, что, безусловно, задает строгие рамки писателям, обратившимся к теме детства.

В 1934 г. публикуется производственный роман Г. Алексева “Роза ветров”, где изображается новая советская женщина, “в красном платке, обязательном для собраний и выходных дней”, — *будущая мать, которая “не прятала живот, не скрывала и не стыдилась беременности, и эту черту, свойственную во всем мире только советским матерям”*, главный герой романа писатель Бородин отмечает в ней “с радостью” [2, с. 175].

В 1935 г. Ф. Гладков пишет повесть “Трагедия Любаши”, все персонажи которой: партийцы, производственники — с трогательной заботой относятся к своим детям. Главная героиня повести Любаша, работающая бригадиром на подмосковном заводе, “с наслаждением ощущала, как это родная живая теплота дочурки льется через сердце и растекается по всему телу”; “изумлялась, как это она раньше могла жить без Надюшки” [6, с. 31]. Тростильщица Настя Пескова может “говорить о детях беско-

нечно”, все свое свободное время “посвящает девочке и водит <...> с собой на собрания” [7, с. 80]. И даже “тщедушного и подозрительного” кладовщика Кулакова, ворвавшегося к Любаше с ночным обыском, она прощает именно потому, что “в нем есть что-то забавное и трогательное в любви к своему дитенку” [7, с. 86, 102].

В 1936 г. на страницах “Нового мира” печатается роман И. Макарова “Миша Курбатов”. Показательно, как поучают героя произведения, готового многое отдать за будущее счастье молодежи: “*Никогда не думай, что мы призваны на жертву. Нам досталось победить, строить, построить и жить полной радостью*” [22, с. 32]. Во второй половине 1930-х годов, таким образом, пафос прекрасного настоящего, в котором нет места жертвам, утверждается не только критикой, но и самой литературой.

Формирующийся в 1920 – 30-е годы соцреалистический канон предопределил трактовку ключевой для соцреализма темы — темы детства. Советский писатель в сюжетах о детях обходил психологические и биологические аспекты — в соцреалистическом произведении ребенок символизировал настоящее и будущее социализма. Через судьбы “маленьких граждан большой страны” в литературе первых постреволюционных десятилетий поднимались важнейшие проблемы советского общества: оправданности человеческой жертвы во имя абстрактных целей, значимости отдельной личности, смены духовных устоев.

Список литературы

1. Айхенвальд Б. Метод “Гидроцентрали” // Красная новь. — 1933. — Кн. 1. — С. 195 – 208.
2. Алексеев Г. В. Роза ветров // Алексеев Г. В. Роза ветров: Роман; Рассказы. — Тула: Приок. кн. изд-во, 1988. — С. 7 – 303.
3. Алексеев Г. Тени стоящего впереди // Красная новь. — 1928. — Кн. 4. — С. 1 – 37.
4. Брик О. Почему понравился “Цемент” // На литературном посту. — 1926. — №1. — С. 30 – 33.
5. Гладков Ф. Новая земля. Записки педологички // Гладков Ф. Собр. соч.: В 4-х тт. — Т. 4. — 288 с.
6. Гладков Ф. Трагедия Любаша // Новый мир. — 1935. — Кн. 1. — С. 22 – 50.
7. Гладков Ф. Трагедия Любаша // Новый мир. — 1935. — Кн. 3. — С. 68 – 105.
8. Гладков Ф. Энергия // Гладков Ф. Собрание сочинений: В 5-ти тт. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1984. — 703 с.
9. Глаголев Арк. Лев Гумилевский. “Головорезы” // Новый мир. — 1932. — Кн. 1. — С. 196 – 197.
10. Гюнтер Х. Архетипы советской культуры // Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 743 – 784.
11. “Детство как культурный перекресток на пути к самостождественности” // Новое литературное обозрение. — 2003. — №61. — С. 437 – 445.
12. Златова Е. Леонид Леонов. Соть // Звезда. — 1931. — Кн. 3. — С. 235 – 237.
13. Катаев В. Время, вперед! // Катаев В. Собрание сочинений: В 10-ти тт. — Т. 2. — М.: Худож. лит., 1983. — С. 243 – 539.
14. Катаев И. Ленинградское шоссе // Красная новь. — 1933. — Кн. 11. — С. 86 – 104.
15. Келли К. “Маленькие граждане большой страны”: Интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. — 2003. — №60. — С. 218 – 254.

16. Кларк К. Сталинский миф о “великой семье” // Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 785–796.
17. Ковнатор Р. “Тени стоящего впереди” (Роман Глеба Алексеева) // Звезда. — 1928. — Кн. 5. — С. 147–160.
18. Колесникова Г. Радость труда, радость борьбы // Октябрь. — 1934. — С. 208–211.
19. Красильников В. Владимир Кириллов. Голубая страна // Красная новь. — 1927. — Кн. 12. — С. 213.
20. Левин Б. Одна радость // Красная новь. — 1931. — Кн. 10–11. — С. 50–72.
21. Леонов Л. М. Соть. — М.: Сов. Россия, 1981. — 304 с.
22. Макаров И. Миша Курбатов // Новый мир. — 1936. — Кн. 9 — С. 22–77.
23. Михайлов А. О советской живописи // Новый мир. — 1936. — Кн. 3. — С. 238–248.
24. Никитин Н. Поговорим о звездах // Звезда. — 1934. — Кн. 7. — С. 3–56.
25. Острогорский Ник. Ив. Катаев. Отечество // Новый мир. — 1935. — Кн. 11. — С. 287–288.
26. Перегудов А. Солнечный клад // Новый мир. — Кн. 4. — С. 6–33.
27. Платонов А. Котлован // Платонов А. П. Государственный житель: Проза, ранние сочинения, письма. — Мн.: Маст. літ., 1990. — С. 105–198.
28. Постоутенко К. Исторический оптимизм как модус сталинской культуры // Соцреалистический канон / Сборник статей под общей редакцией Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 481–491.

Машкова К. Є. Дитинство як онтологічна цінність в радянській виробничій прозі 1920–1930-х років.

У статті виставлено полемічне рішення провідної для радянської літератури перших десятиріч після революції теми дитинства у виробничій прозі та критиці 1920—1930-х років.

Ключові слова: соціалістичний реалізм, радянська література, радянська виробнича проза, тема дитинства, образ дитини.

Mashkova E. E. Childhood as ontological value in Soviet production prose of 1920ies—1930ies.

In the article the controversial decision of theme of childhood, which is key theme of Soviet literature of first ten-year periods after Revolution, in production prose and criticism of 1920ies—1930ies is given.

Key words: socialist realism, Soviet literature, Soviet production prose, the theme of childhood, the image of a child.

Стаття поступила в редакцію 22 ноября 2006 г.